

УДК 81' 23

ПУТЬ ОТ ЗНАТНОСТИ В АНГЛО-САКСОНСКИЙ ПЕРИОД К БЛАГОРОДСТВУ И РЫЦАРСКОЙ ДОБЛЕСТИ В СРЕДНЕАНГЛИЙСКИЙ ПЕРИОД

© Татьяна Комова, Анастасия Шарапкина

A PATH FROM WORTHINESS IN ANGLO-SAXON PERIOD TO NOBILITY AND CHIVALRIC VALOUR IN MIDDLE ENGLISH

Tatiana Komova, Anastasia Sharapkova

The paper explores interrelations between historical, cultural and socially biased mechanisms, affecting the conceptualization of a noble man, and, consequently, the way they were reflected in language. The semantic development of words, belonging to the lexical-semantic category of nobility, is traced from Old English period to Middle English on an extended corpus of texts and lexicographic data. The article focuses on the use of the older words in novel contexts and the appearance of both novel words and meanings at the stage when Middle English succeeded Old English. This marked the substitution of *ædel* by *noble*, ousting *worthy* to the periphery, as well as a considerable rearrangement and expansion of meanings with regard to words belonging to the category of nobility in English and the emergence of a class of words with similar meanings. The adjectives *worthy* and *gentle* also established new positions within the “nobility” category, undergoing transformations. We show that once the conceptual domain of “knight-hood” was fully developed in real life and in fiction in the 13th – 15th centuries, it triggered large-scale semantic shifts caused by cultural and social changes.

Keywords: English language, lexico-semantic changes, notional category, re-categorization, socio-cultural factors.

Статья посвящена соотношению исторически, культурно и социально обусловленных механизмов, влияющих на концептуализацию представлений о благородном человеке, с тем, соответственно, как они представлены в английском языке. Рассматривается развитие семантики класса слов, принадлежащего к лексико-семантической категории «благородство» на пути от древнеанглийского к среднеанглийскому периоду развития языка на обширном материале корпусных данных и лексикографических источников. На этапе перехода от древнеанглийского к среднеанглийскому периоду можно отметить использование старых слов в новых контекстах, а также появление как новых слов, так и новых значений. Показано, что произошла не только значимая замена слова *ædel* на *noble*, вытеснение *worthy*, но и значительное перераспределение их значений, что привело к обогащению целой категории единиц, раскрывающих понятие «благородство» в английском языке, и появлению класса слов с близкими значениями. Прилагательные *worthy* и *gentle* также заняли новое место в рамках переформирующейся категории «благородство». Показано, что, как только концептуальная область «рыцарство» полностью сложилась в XIII–XV вв. как в реальной исторической, так и в художественной перспективе, начались масштабные изменения семантики, вызванные переменами в культуре и обществе.

Ключевые слова: английский язык, лексико-семантические изменения, понятийная категория, перекатегоризация, социо-культурные факторы.

*Есть в языке иная красота:
Он мягок - и упруг, упрям - и гибок...
(К. Арбенин. А. Петерсон
из пьесы «Дон Диего и плагиат»)*

содержание категории «благородство» всегда представляло особую значимость, ибо ее осмысление на протяжении столетий заложило основы понимания «благородных человеческих качеств» английской нацией, что находит отражение в высказывании социолога Р. Хорсмана об англичанах: “the race had always enjoyed noble qualities” [Horsman, с. 406]. Осмысление благородства как

I. Введение

Представление о благородстве принадлежит ценностно-смысловому пространству человеческой культуры. А для британского самосознания

одной из ключевых ценностей (values)¹ британской нации, ее национального характера и мировоззрения, формирование самоидентичности можно проследить в языке, поскольку язык отражает и сохраняет культуру (“culture is in language, and language is loaded with culture”) [Agar, с. 28]. Более того, культурно специфическое знание сохраняется в слове и транслируется посредством ключевых текстов, «в которых объективно выявляются <...> маркеры эволюционных сдвигов» [Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur / value*..., с. 3], объективируемых в семиотических, семантических или концептуальных изменениях.

Попытки создания некоей модели – ценностно-идеального конструкта человеческой культуры – и описания «лучшей» / «привилегированной» человеческой природы неизменно присутствовали в философии. На общую закономерность семантических трансформаций в европейских языках обратил внимание еще Ф. Ницше, отметив, что «„знатный“, „благородный“ в словесном смысле выступают основным понятием, из которого необходимым образом развивается „хороший“ в значении „душевно знатного“, „благородного“, „душевно породистого“, „душевно привилегированного“» [Ницше, с. 437]. Очевидно, замеченные Ф. Ницше два полюса смысла составляют основу понимания благородства во многих европейских культурах. Они, с одной стороны, относятся к пониманию рода или социального статуса, с другой – к индивидуальным или духовным качествам личности. Именно баланс между указанными гранями и его нарушение определяет развитие семантики не одной лексической единицы, а целой семантической категории. Так, Томас Бекет (Thomas Becket) отметил подобное противопоставление еще в далеком 1166 году, говоря о себе и своей семье, достаточно влиятельной в Англии: «Я не происхожу из благородного королевского рода, однако я предпочитаю быть тем, в ком благородство духа рождает знатность, чем тем, в ком благородство по крови лишь вырождается»² (цит. по: [Duggan, с. 1])³. Для него, как для деятеля церкви, по-

смейшего высказать свое мнение королю, первичным было именно благородство помыслов и духовных качеств, а не происхождение из привилегированного сословия, что ясно указывает на существовавшее уже тогда противопоставление между этими полюсами смысла. Когда они начинают противопоставляться, а затем и противоречить друг другу, происходит преобразование существующей картины мира за счет появления новых концептуальных смыслов и связей. На лингвистическом уровне эти изменения проявляются через изменение семантики старых или появление новых прилагательных. К. Льюис обратил внимание на подобное переплетение, заметив, что «самое первое социально-этическое значение просто обречено отделиться от значения статуса» [Lewis, с. 22].

В данной статье мы попытаемся показать, как происходила трансформация представлений о благородстве в английском языке в древний и средний периоды его развития на основе семантического и концептуального анализа слов, составляющих категорию «благородство». При этом мы обращаем внимание на дисбаланс базовых полюсов смысла, обусловленный взаимодействием двух факторов: социальных, коренным образом повлиявших на структуру среднеанглийского общества, и антропоцентрических, находящих непосредственное отражение в языке. О взаимодействии и взаимовлиянии антропоцентрических механизмов развития языка писал И. А. Бодуэн де Куртене еще в конце XIX века: «Если язык возможен только в человеческом обществе, то, кроме психической стороны, мы должны отмечать в нем всегда сторону социальную» [Бодуэн де Куртене, с. 15].

II. Характеристика знатности в древнеанглийский период

Для того чтобы понять, кем были знатные и благородные люди в древнеанглийском социуме, заглянем в тезаурус древнеанглийского языка. Социально-культурные реалии отражены в составе наименований, так или иначе относящихся к понятию «благородство». Данный тезаурус указывает ряд существительных, означающих знатного человека того периода, а именно: *æðeling, beorn, domne, eorl, forþman, gumman, hlāford, ord, rād(e)cniht, sibæðeling* [A Thesaurus of Old English]. Все слова, относившиеся к социальной стратификации общества, имеют германские корни, однако существительное, относящееся к

¹ “Britishness is not simply about something called ‘the national character’, but has to be seen as a *nexus of values, beliefs and attitudes* which are offered as unique to Britain and to those who identify as, or wish to identify as, British. In other words, Britishness is a state of mind: a belief in a national identity which is part and parcel of one’s sense of self” [Комова, с. 114].

² Здесь и далее перевод авторов, если не указано иное – А. Ш.

³ Мысль Т. Бекета была первоначально записана на латыни: “Non sum reuera “attauis editus regibus”; malo

tamen is esse in quo faciat sibi genus animi *nobilitas*, quam in quo *nobilitas generis degeneret*”, а уж затем появилась на английском языке.

церковной иерархии, – латинское (*domne* – a lord [B&T]). Помимо существительных, в определенных контекстах значение благородства передавали и прилагательные: *ænlīc*, *eorlīc*, *þegnīc*, *eorlcund*, *dryhtlīc*, *eorlisc*, *æðele*, *frēo*, *hēalīc*, *weorþful*, *wīdcūþ* [A Thesaurus of Old English]. Попробуем рассмотреть эти две группы, отмечая переплетение смыслов указанных групп слов.

Первое из прилагательных *ænlīc* (*ānlīc*) имело значение «единственный в своем роде» [Смирницкий, с. 147], происходя от древнеанглийского числительного *ān* ‘один’. Словарь Дж. Бозворта и Т. Толлера указывает значение “singular, incomparable, excellent, beautiful, elegant”, приводя следующий пример: *Cynn Fabiane forðan hit ealra Rómána ænlīcost wæs* (‘Так как род Фабиана из всех римских (родов) благороднее был’) [B&T]. Второе и третье прилагательные (*eorlīc*, *þegnīc*) были связаны с делением английского общества на социальные классы – «эрлов» (*eorls*), «тэнов» (*þegn*) и «кэрлов» (*ceorls*). Из трех слов первые два означали лиц более высокого происхождения по сравнению с кэрлами – крестьянами. Слово *eorl* имело значение «знатный человек, муж, храбрый человек» [Смирницкий, с. 181]. В свою очередь, слово *þegn* относилось к слою служилой знати, определяемой как «(свободный) слуга, вассал, последователь, должностное лицо, свободный» в древнеанглийском [Там же, с. 272]. Позже именно этот слой служилой знати будет заменен рыцарством.

В известном эпосе «Беовульф», написанном аллитерационным стихом на древнеанглийском языке, главный герой описывается то как *þegn*, то как *eorl*. Так, Беовульф, прибывший ко двору Хротгара для защиты от чудовища, уже во время сражения с Гренделем представлен как «вассал Хигелака, воин благородных корней»: *Higelaces þegn* (1574)⁴: *hé æfter recede wlát / hwearf þá be wealle waepen hafenade / heard be hiltum Higeláces ðegn / yrre ond anraéd* (1572-5) – ‘Вдоль стен по залу прошел воитель, кипящий яростью дружинник Хигелака, держа оружие наизготове’ [Беовульф, с. 103]. Беовульф также производит впечатление «более благородного» воина: *maran ...eorla* (247), обладающего «благородной внешностью»: *ænlīc ansyn* (251).

Для описания свободного человека в древнеанглийском языке фиксируется слово *freo*, что подтверждает слово *liberi*, которое с латыни на английский переводили как *freobearn æþelborene cild* [DOEC] (‘свободно рождённый ребенок бла-

городного происхождения’). Однако, в отличие от прилагательного *æðele*, которое будет подробно рассмотрено ниже, *freo* не было опосредовано связью с землей, оно означало юридическое право быть свободным, обладать свободой действий: “free, not in subjection to a master, having liberty of action” [B&T]. Социальный статус такого человека изначально был другой: он «более благороден» по отношению к несвободным людям, то есть – рабам. Вместе с тем укажем, что *freo* происходило от общегерманского *frīja “beloved; not in bondage” (‘возлюбленный, не связанный’), а родственным словом было *freodo*, означавшее мир, безопасность или защиту, что связано с древнеанглийским *freon* ‘любить’ [Online Etymology Dictionary].

В сложных прилагательных корень часто отражал изменившийся статус человека, только ставшего свободным – *healfreo*, и его специфическое социальное положение. Прилагательное *freo* участвовало в образовании причастия и использовалось в атрибутивной позиции: *Fréobearn Godes* ‘благородного / свободнорожденного сына Божия’ [B&T]. Прилагательное *freolic* употреблялось в значении «свободный» и «благородный» – “free, noble, ingenuous, comely, goodly” [Там же], в том числе и по отношению к тем, кого называли *æðeling*, ср.: “*Eáðward, Engla hláford, fréolic wealdend*” Edward, lord of the English, a noble ruler [Там же] (‘Эдвард, господин англоv, благородный правитель’), *fréowine folca* – ‘свободный / благородный друг народа’ (429-430), *fréodrihten* – ‘благородный господин’ (1169, 2627). Интересно, что город мог быть описан, как «благородный» – *fréoburh* (693). Более того, к женщине благородного происхождения и даже королеве в поэме «Беовульф» обращаются как *þá fréolic wif* (615) – ‘та свободная / благородная жена’ или *fréolicu folccwén* (641) – ‘свободная / благородная королева народа’. Данное слово, безусловно, было положительно окрашенным и достаточно неспецифичным, что, возможно, и позволило ему пережить поток французских заимствований и сохраниться в языке в последующий период.

Но наибольший интерес представляет исконное германское прилагательное *æðel(e)*, которое обладало значением «знатный / благородный» – “noble, eminent, not only in blood or by descent, but in mind, excellent, famous, singular; nobilis, generosus. præstabilis, egregius, excellens” [B&T]. Данное прилагательное и образованные от него существительные принадлежат к общегерманской лексике и представлены в древнефризском *ethel* и в древневерхненемецком *uodil*, *odhil*. Значения этих слов частично проливают свет на понима-

⁴ Здесь и далее в скобках дается номер строки поэмы по [Diacritically Marked Text of *Beowulf*]

ние благородства в англо-саксонском обществе до нормандского завоевания. В скандинавских языках существительное *o'dal* было связано с наделом земли, поскольку обладание земельным владением указывало на социальный статус и принадлежность к определенному социальному слою. А. Я. Гуревич сравнивал людей знатных и свободных с зависимыми (несвободными), при этом отмечая тот факт, что «земельные владения приобретали подобную же юридическую квалификацию и даже могли облагораживать своих обладателей» [Гуревич, 1972, с. 56]. Вследствие этого *одадь* – это не только земля, но и совокупность определенных прав ее владельцев – *одадь-манов*. По данным словаря Дж. Бозворта и Т. Толлера, оно часто сочеталось с существительными, обозначающими социальный статус: *сун, gebyrde, eorl, cетpan, bearna*.

Чтобы определить основные значения прилагательного *ædele*, сначала рассмотрим производные и композитные существительные. Корень *ædel* часто фиксируется в именах собственных лиц королевского происхождения: *Ædelstan, Ædelbryht, Ædelwulf* и др. Эта простая основа встречается в составе сложных слов: прилагательных (*ædel-boren* – ‘благородно рождённый’), существительных (*ædelhæled* – ‘благородный воин или герой’, *æpelcundnes* – ‘благородство, природы благородства’). Сочетание имени собственного с указанием социального статуса – *ædeling* ‘the son of a noble prince’ ‘отпрыск благородного происхождения’ [B&T] мы находим в «Англо-саксонской хронике». В известной записи 937 года, описывающей битву при Брунандурге, мы читаем: *Her Æpelstan cyning, beorna beahgifa, Eadmund æpeling* – ‘В это лето Этельстан державный, кольцедробитель и брат его, наследник Эдмунд’ (пер. Тихомирова, цит. по: [Древнеанглийская поэзия, с. 304]).

Морфологически близкие существительному *ædeling* (содержащие суффикс *-ing*) также встречаются в германских языках: древне-фризское *etheling*, древне-верхненемецкое *ediling*, древне-скандинавское *o, ðlingr*. На закреплённую терминологичность данного существительного указывает употребление его даже в текстах латинских средневековых авторов: “words of one and the same, namely Saxon, origin which refer to a noble person and to anybody famous for the splendor of his lineage; from *ædel*, or *edel* “noble,” which the Germans still use in that sense.” (цит. по: [Venne-mann, с. 950]).

Существительное *æpeling* употребляется и в поэтическом языке. В поэме «Беовульф» это слово встречается 32 раза и относится к воинам, «чья слава в битвах была добыта»: *hú ðá*

æpelingas ellen fremedon – ‘как те благородные совершили смелые подвиги’ (3). Впрочем, даже в одном произведении это слово было многозначным, и особенно в поэзии. Ч. Врен в комментариях к изданию поэмы отмечает, что перевести слово *æpeling* на современный английский язык можно несколькими способами: “noble retainer, prince, hero, man, warrior” [Beowulf, 1953], ср. «князь, герой» [Смирницкий, с. 150]. Отметим, что эти благородные воины были ближайшими соратниками конунга, часто членами «англо-саксонского феода, построенного на кровном родстве» [Huams, с. 3], и, соответственно, верные правителю по принципу кровного родства (*kinship fidelity*) [Gravett, с.10]. На тесную связь конунга и его дружины указывается в примечаниях к русскому изданию «Беовульфа»: «Дружина означала не только службу и награды, но и защиту от посягательств других сильных мира сего, поэтому для воина не было большего несчастья, чем остаться без покровительства князя» [Смирницкая, 1975, с. 641]. Другим косвенным указанием на важность военной общности становится существование лексемы *dryhten*, обозначавшей правителя: “a ruler, lord, prince; dōmīnus, princeps” [B&T]. Она была связана с существительным *dryht*, одним из значений которого было «дружина», так как оно соотносилось с общегерманским **dreug-* / *draug-* / *drug-* в значении «вести военные действия» [Левицкий, с. 38]. Таким образом, понятие знатности / благородства концептуально связано с родственными связями в древнеанглийском языке и положением рода в англосаксонской государственной системе.

После нападения Гренделя конунг, сидящий в печали, описывается, как *Maere þeoden æpeling aergod unblide sæt* – ‘Лучший тэн благородный, прежде хороший сидел полный печали’ (129-130), что сводит воедино его важные характеристики: воинскую доблесть, благородное происхождение и то, что он был хорошим, «добрым конунгом». Добрый же воин, в свою очередь, должен был быть верен конунгу, поэтому к сословному значению благородства в героическом эпосе добавляется доблесть воина и физическая сила. В одном из эпизодов Беовульф описывается как *æpeling on elne* (2506), что дословно означает «благородный по силе» и, возможно, – «смелый». Помимо этого, главный герой описывается также как *Ðá se ædeling gióng þæt hé bi wealle wishycgende gesæt on sesse* (2715-16) – ‘Тогда тот благородный воин пошел, потому что он мудрый в мысли у стены сел на трон’.

В поэме «Беовульф» также встречаются следующие репрезентативные сочетания с прилагательным (9 единиц): *æpele ond éacen* (198) – ‘бла-

городный и сильный’, *æpele ordfruma* (163) – ‘благородный витязь’, *æpele cempa* (1312) – ‘благородный ратник’, *æbelan cynne* – ‘благородный род’ (2234). Как видно в целом из текста этого произведения, знатными были воины конунга, а основой для положительной оценки служила их воинская доблесть. Впрочем, это логично, исходя из самого жанра героического эпоса, ибо «мир „Беовульфа“ – это мир королей и дружинников, мир пиров, битв и поединков» [Гуревич, 1975, с. 9], а сам главный герой выступает как «идеал мужественного и решительного воина, неизменного в верности и дружбе, щедрого и милостивого короля» [Там же, с. 6].

Семантика данного слова в эпосе, впрочем, далеко не исчерпывает языковых возможностей древнеанглийского, и представление об *ædel(e)* как о привилегированном, знатном, возвышенном положении явно расширилось, ибо к концу древнеанглийского периода оно могло также употребляться и с неодушевленными существительными. На это указывают следующие композиты: 1) *æbeltungol*, что переводится как ‘благородная звезда’, то есть яркая звезда в созвездии, 2) *ædel-stenc* ‘благородный (приятный) запах’ [A Thesaurus of Old English]. Пример из корпуса древнеанглийских текстов указывает на то, что представление об иерархичности переносилось и на природные объекты, не связанные напрямую с человеком, но также осмысляемые в терминах выделенной важности: *Sunne ond mona, æpelast tungla eallum scinað, heofoncondelle, hælepum on eorðan* [DOEC] – ‘Солнце и луна, все самые яркие звезды сияют, подобно небесной свече, воинам на земле’.

Возвращаясь к древнеанглийскому прилагательному *ædele*, следует отметить, что христианизация Англии и расцвет переводческой деятельности привели к расширению семантических возможностей этого, по природе своей сословно терминологичного, слова. В древнеанглийском фиксируется сложное существительное *æbelcynning*, которое означало уже не только благородного короля. Существительное *cynning* под влиянием христианизации было переосмыслено по отношению к Богу. «Основой переосмысления послужили, вероятно, концептуальные признаки, „вождь, владыка“, „имеющий власть“, „верховное лицо“. Люди, живущие на земле, могут рассматриваться как одно племя, которое подчиняется Богу, подобно тому, как германское войско подчиняется конунгу» [Григорьева, с. 76]. Итак, слово *æbelcynning*, помимо основного значения, стало использоваться по отношению к Христу наравне с другими сходными композитами *heofoncynning* – ‘небесный Царь’. К примеру,

Ædelcyninges ród объясняется как *the cross of the noble king* [B&T], то есть «крест благородного короля». Другие контексты можно найти в корпусе древнеанглийских текстов, например, в «The Vercelli Book» предположительно конца X века: *Cristenra weox word ond wisdom, syððan wuldres þegn, æbelcyninges ar, eagum sawon* [DOEC] – ‘Более христианское чистое слово и мудрость, ибо земной слуга, благородного короля посланник, глазами были’

В переводе Беды Достопочтенного с помощью прилагательного *ædele* рисуется противопоставление морально-нравственных качеств человека и его происхождения: *He wæs on his móde æðelra ðonne on woruld gebyrdum*– ‘Он был по помыслам более благородным, чем по земному рождению’ [B&T].

Идея чего-то абстрактно привилегированного и возвышенного находит отражение и в других текстах древнеанглийского периода. Так, в поэме «Феникс» [The Phoenix], в отличие от героического эпоса «Беовульф», представлены совершенно не героические образы, но райская земля с символом вечной жизни – фениксом, возрождающимся из пепла – *æpela fugel* (104)⁵. И земля, и сама птица описываются именно прилагательным *ædele*: *æpelast londa, firum gefræge* (2-3) – ‘благороднейшая земля людям известная’; *Is þæt æpele lond blostmum geblowen* (20) – ‘Та земля, благородная, цветущая’; *æbelan wong*– ‘благородная равнина’ (281). В переводе произведения Бозция, выполненного с латинского на древнеанглийский в IX веке, так же, как и в «Фениксе», искомое прилагательное сочетается с абстрактным существительным *blisse* “joy, gladness, exultation, pleasure” [B&T]: *æpele blisse* [DOEC] – ‘благородное (возвышенное) блаженство, радость’.

Очевидно, что анализируемая лексема *æpel(e)* уже в конце X века, то есть к концу древнеанглийского периода, обладала возможностью приспособиться к новым типам текстов, сюжетов и идей, указывая на абстрактное привилегированное положение осмысляемого объекта по отношению к целому ряду предметов. Интересно в этом смысле замечание Н. Ю. Гвоздецкой о «смысловой текучести» не только текстов [см.: Смирницкая, 2008, с. 406], но и их составляющих (формульных систем) [Гвоздецкая, 2012, с. 89] в плане обогащения англосаксонской культуры христианскими образами и аллегориями. Смысловая текучесть подразумевает высокую степень концептуальной лабильности, а значит –

⁵ Здесь также указывается строка по The Phoenix. Всего 21 контекст.

легкость при использовании слов в новых для них типах дискурса и, соответственно, расширение семантики. «Христианская семантика слова формируется на нарративной основе. Темы и мотивы в памятнике первичны, значения слов вторичны» [Гвоздецкая, 2013, с. 31]⁶. Подобное возможно лишь тогда, когда картина мира и мировоззрение определенной лингвокультуры полностью сформировано. В отдельной категории, которое подчеркивало благородство происхождения, обозначаемый объект посредством *æpel(e)* был особо выделенным, профилируемым элементом, являлся «культурным маркером» [Павилёнис, с. 42]. Косвенным аргументом в пользу этого может служить и употребление прилагательного *hēah* (сущ. *hēanes*) в контекстах описания социального статуса: *Se hūhsta ealra cyninga cyning* [B&T]: ‘наивысший король над всеми королями’ как обращение сохранилось на протяжении веков в обращении к монарху.

Герой (например, Беовульф) воспринимался как важный персонаж, а если речь шла о конунге, то он был самый знатный и благородный; *благородная звезда* – самая яркая и заметная, *приятный запах* – выделяемый из других запахов. Именно это давало свободу для использования лексических единиц с обогащенной сочетаемостью и семантикой.

III. Благородство и рыцарство в средние века: язык и культура

Возможно, данное прилагательное продолжило бы выполнять свои функции и дальше и развиваться по пути расширения сочетаемости и, возможно, закрепления христианских коннотаций, а значит, и этического, аксиологического или абстрактного положительного значения. Но этому помешали события 1066 года, не только кардинально изменившие социальные взаимоотношения внутри сформировавшихся классов, но, по сути, полностью трансформировавшие картину мира и оказавшие значительное влияние на язык.

Употребление *ædele* в значении «хороший, лучший или заметный» отмечено в переходный период. Например, в поэме Лаямона «Брут» (XIII

век) данное прилагательное используется для описания церкви: *at ædelen are chirechen* [Layamon, строка 3] в рукописи Ms. Cotton Caligula A.IX, а в рукописи Ms. Cotton Otho C. XIII, датируемой 50 годами позже, в данной строке *ædelen* уже заменено на *gode*, ср.: *wid þan gode cnipte*. Причину подобной замены мы обнаруживаем в комментарии к прологу: “In medieval times, the village appears to have been relatively insignificant and Layamon's church, despite the prologue's reference to it as 'noble', was probably not more than average in size” [Bzdyl, с. 9], где дается указание на то, что, вероятно, указанный Лаймоном размер здания церкви говорит о ее среднем размере.

Историками отмечается, что после правления Вильгельма Завоевателя можно говорить не о замене старой англо-саксонской знати новой нормандской, но о зарождении *нобилитета* как отдельного сословия [Gravett, с.10–15]. Так и социально, и культурно маркированное прилагательное *ædel(e)* прекращает свое существование, будучи замененным на *noble*, вначале только в социальном значении. Ибо нормандским переписчикам устаревшее слово и его смысл, а тем более стилистические оттенки значения в тексте германского эпоса и отсылки к раннехристианским сюжетам были, возможно, уже не понятны.

Процесс замены одного ключевого прилагательного на другое предположительно прошел легко и относительно непротиворечиво на уровне лексической системы языка: между данными прилагательными уже была установлена связь. К примеру, в конце X века слово *ædel* в предложении *Sum ædelboren man* использовалось при переводе с латыни как *nobilis*, ср.: *homo quidam nobilis* [B&T] – ‘один из благородных людей’. *Noble*, как раньше и *ædel*, оказывается связанным с классом воинов – соратников нового короля. Система, основанная на родственных узах, реструктурируется в иную иерархичную систему, построенную теперь на клятве верности – *oath fidelity*, в основе которой лежит договор, связывающий короля и его вассалов [Gravett].

После правления Вильгельма Завоевателя в языке появляется не только новое слово *noble* и ряд близких по семантике прилагательных, но и полностью перестраивается старая система представлений о благородных людях. Как подчеркивается Б. Дейнсберг, «английский нобилитет был почти полностью заменен на франкоговорящих, которые заняли престижные позиции как в церкви, так и в государстве» [Diensberg, с. 72]. И будучи родом из «чужой земли», этот класс людей был связан с англо-нормандской правовой системой, которая полностью изменила земельные и, соответственно, социальные взаимоотношения.

⁶ К выводу о примате новых типов текста и средневекового религиозного дискурса над значением слова приходит и М. Ю. Колокольникова, подчеркивая, что в семантике слов морально-этической сферы «на первый план выходит специфика их функционирования в условиях реального общения в определенном виде дискурса, который приспособливает их к возможно более точному обозначению ключевых для него смыслов, а также закрепляет результаты модификаций их смысловой структуры в языковом узусе» [Колокольникова с. 56].

В контексте новой социальной системы возникает вопрос – можно ли говорить о чисто лингвистической замене одного социально маркированного слова другим – *ædel* на *noble* – при полном сохранении исходных функций или произошло глубокое переосмысление целой категории? Для ответа на данный вопрос необходимо рассмотреть, как развивалось значение слова *noble* и его семантическое окружение.

Согласно данным «Оксфордского словаря английского языка», прилагательное *noble* появилось в английском из французского языка в XII столетии, которое в свою очередь происходило от латинского *nobilis*, что означало “well-known, famous, renowned, of superior birth” [Online Etymology Dictionary]. Более ранняя форма латинского прилагательного была *gnobilis*, дословно ‘knowable’, образованная от *gnoscere* ‘to come to know’, которая, в свою очередь, восходит к индоевропейскому корню **gno-* ‘to know’.

К середине XIII века *noble* прочно вошло в систему социальных обозначений среднеанглийского общества. На это указывает известный словарь английского языка: 1. “Illustrious or distinguished by position, character, or exploits” и 2. “Illustrious by rank, title, or birth; belonging to that class in the community which has a titular pre-eminence over the others; spec. belonging to, or forming, the nobility of a country or state” [OED]. Следовательно, на первых этапах значение прилагательного определялось в большей мере внешними атрибутами: “illustrious by position, character, or birth” [CODEE с. 1017]. Примеры, которые представлены в лексикографических источниках, выделяют социальное значение, ср.: *Noble men and gentile and of heh burde* [OED]. Примеры цитируются по документу 1250 года или по документу 1300 года *Seinte Katerine of noble kunne cam. Hire fader was king* [MED] – ‘Святая Катерина происходила из благородного рода. Её отец был королем’.

Спустя два столетия появляется новое значение: *Having high moral qualities or ideals; of a great or lofty character* [OED]. И именно переход от аксиологически социального к аксиологически этическому значению представляет большой интерес и предположительно определяется социально-историческим контекстом и перераспределением ключевых значений внутри категории. Поскольку примеры из словаря принадлежат ранненоанглийскому периоду и датируются XVII веком, то логично предположить, что именно в период между XIV и XVI веками происходили наиболее значимые для прилагательного семантические преобразования. Концептуальное содержание категории расширяется и попол-

няется новыми словами, но центральное положение занимает прилагательное *noble*.

Другими важными словами, входящими в категорию «благородство», являются *worthy* и *valor*. Первое частично уходит корнями в предшествующий период развития языка, а частично является результатом изменений языка в XIII веке. В древнеанглийском языке слово *weorþ* (*wurð*) относилось к предметам материального мира: “equal in value to, having value mainly speaking about material things”. Важным было указание на цену вещей, денежного эквивалента: “of the value of a specified amount” [CODEE, с. 1721]. Это можно наблюдать и в примерах из словарей: *Nabbap hi genoh on twegera hundred penega weorðe hláfes* [B&T] – ‘Они не имеют и двух сотен пени достаточной для стоимости хлеба’; *Hys vessel was ten mark wurþu* [OED] – ‘Его сосуд был емкостью в десять мер / отметок’. Значительно реже оно употреблялось по отношению к людям: “distinguished by good qualities; entitled to honour or respect on this account; estimable” [OED]. Элемент *worth* в древнеанглийском языке фиксируется в составе композита *weorðmynd* в словосочетании *wigena weorðmynd* – ‘слава воинов’. В древнеанглийском была частотной форма прилагательного *weorðful*, дословно ‘полный ценности’ в значении оценки качеств достойного воина: *having worth, worthy, honourable, glorious, excellent, held in honour, honoured, esteemed* [B&T].

Прилагательное *worthy* с суффиксом *-u* является неологизмом в начале XIII века в значении «having merit» и применяется при оценивании людей. Словарь древнеанглийского языка указывает также на возможность употребления прилагательного от корня *weorð* в значении, близком позднесредневековому значению *noble* – “possessed of honours, honorable or noble, highly thought of, held in esteem, valued, dear”, например, во фразе *ðæs bearnes weorþe* – ‘те воины достойные’ [B&T]. Появившись в древнеанглийском языке, такие значения продолжили существовать и далее. В «Оксфордском словаре английского языка» указывается значение 1222 года в известной поэме «Король Горн»: *myne knyhte worþi men* [OED] – ‘мои рыцари достойные люди’ или в «Хронике Р. Брюнна» 1338 года: *Of his men most worþi, at þam conseile gan [he] take* [Там же] – ‘Он пошел спрашивать совет у наиболее достойных из своих людей’. Обратим внимание, что в семантике данного слова не наблюдалось компонента, связанного с рождением, так как слово в нормандском обществе изначально формировало значение вне связи с привилегированным положением и не являлось термином, указываю-

щим на социальный статус. Можно предположить, что *weorþ* в значении цены перестает употребляться из-за изменений в товарно-денежных отношениях и в связи с видоизменением системы общественных отношений, переходя в социальную сферу для обозначения оценки (*merit*) человеческих качеств, что позволило слову *worthy* надолго сохраниться в качестве синонима к слову *noble* в лексической системе языка.

Вероятно, в силу необходимости заполнения семантической лакуны одновременно с возникновением формы прилагательного с суффиксом *-u* (*worthy*) возникает в XIII веке и приживается в английском языке заимствование из старофранцузского *valour*: †*value, worth* [CODEE с. 1649]. Заметим, что в самом французском языке оно имело два значения: 1) более древнее, восходящее к латыни (*valorem*), которое передавало значение силы и храбрости: “*valor, moral worth, merit, courage, virtue*”; 2) связанное с материальной ценностью [Online Etymology Dictionary]. Важным является и то, что *valour* под влиянием другой лексемы того же корня – *value*, а также рыцарской этики и артуровских романов видоизменила выделенность значений – исконная храбрость отошла на второй план, а рыцарские ценности и благородство происхождения вышли на первый. Начиная с XIV столетия слова функционируют в следующих значениях: “*Worthiness in terms of the chivalric virtues, nobility of character or breeding; also, spiritual worth; also, courtliness, refinement; (b) bravery, courage, valiance in battle*[MED]. Значение “*the monetary sum representing the value of something, price*» уже фиксируется третьим значением в словаре, а значит, косвенно указывает на снижение употребляемости данного слова в этом значении [Там же]. С уходом рыцарства с политической и культурной сцены данное значение, уже ставшее более абстрактным и неантропоцентрической направленности [Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur/value...*], вновь вернулось в английский язык.

Нельзя обойти вниманием и лексему *gentle* (*gentile*), заимствованную в самом начале XIII века из французского языка, которая могла составить конкуренцию уже существовавшему в языке *noble*. Она так же, как и *noble*, относилась к указанию на социальный статус – “*well-born, of noble rank or family*” [CODEE с. 640]. Это прилагательное, значительно изменив свое значение, дало именование целого класса нобилитета – *gentlemen*, что означало “*well-born man*” и происходило от индоевропейского корня **gene-*, связанного со словом *kin* ‘род’ [Залесова]. Изначально данное прилагательное было синонимично уже существовавшему – *noble*: “*Well-born, belonging to*

a family of position; originally used synonymously with noble, but afterwards distinguished from it, either as a wider term, or as designating a lower degree of rank” [OED]. Согласно словарю среднеанглийского языка, оно имело значение «знатное происхождение», ибо было заимствовано из французского и там выполняло функции близкие *noble*. На это указывают и примеры из “*The Anglo-Norman on-line hub*”, в которых *gentil* сочетается с *chevalier, hom, linage, parenté* [Anglo-Norman Dictionary]. В среднеанглийский период *gentil* уже обозначало качества, которые приличествовали человеку высокого положения: “*Of noble rank or birth, belonging to the gentry, noble; often implying character or manners befitting one of gentle birth*” [MED].

Логично, впрочем, что полностью синонимичным *noble* данное прилагательное быть не могло, что и привело в дальнейшем к специализации значения, ибо, как известно, социолингвистическая специфика языка приводит к тому, что в нем редко встречаются полные синонимы. Во всех проанализированных словарях английского языка указывается значение, связанное с манерами, мягкостью характера, поведением, приличествующим высокому положению человека в обществе. В семантике слова происходит специализация значения, основанного на внешних атрибутах: 1) “*Of persons: having the character appropriate to one of good birth; noble, generous, courteous. Freq. in the phrase a gentle knight*” [OED]; 2) “*Having the character or manners prescribed by the ideals of chivalry or Christianity; noble, kind, gracious, etc.; 3) courteous, polite, well-bred, charming; graceful, beautiful, handsome*” [MED]. Тем не менее, в свете изменения представлений о рыцарстве подобное значение не могло быть устойчивым в среднеанглийский и ранненовоанглийский периоды, на что указывают материалы словарей.

Примеры, относящиеся к XIII–XIV вв., явно представляют сложную полифонию смыслов. Приведем пример 1297 года: *Of vairost fourme & best maneres, & mest gentil and fre* [MED], в котором отмечается – ‘человек отлично сложен, обладает лучшими манерами’, и наконец, *most gentil* – ‘наиболее благороден и свободен’. Другой пример 1325 года: *So large he [Arthur] was & so hende & al so debonere, So hardi & so gentil & of so vair manere* [MED] описывает более архаичный образ благородного и жестокого воина, так как мягкость манер и обходительность поведения вряд ли могли сочетаться с жестокостью военных действий раннего рыцарства. Прилагательные *gentile*, как ранее *noble* и *worthy*, наполняются содержанием, которое диктуется необходимостью создания уже более сложного образа

рыцаря – носителя новой этики, защитника государства и куртуазного придворного.

Когда представление о рыцарстве усложняется, социальный контекст начинает предполагать и этическое значение, а именно указание на моральные качества рыцаря как воина-христианина. В результате совершения поистине благородных поступков комплексное представление о благородстве выходит на первый план. У Дж. Чосера мы находим следующий пример: *That he is gentil that dooth gentil dedis* [MED]. В приведенном контексте имеется прямое указание на совершаемые поступки, делающие человека по-настоящему благородным. Вновь проявляется мысль о том, что людям благородного происхождения следует быть благородными сердцем и мыслями. Близкое значение мы находим у Тревизы: *Lordis schal be noble & gentil of herte, of fleisch, & of pouzt* [MED], где сочетание прилагательных *noble* и *gentle* в устойчивой конструкции только усиливает значение благородства. В другом примере устойчивый эпитет в составе словосочетания указывает на особенности речи рыцаря и его благородные манеры *Be gantyl knyzt..seyde, 'Gramarcy, my swete wyzt!* [MED].

Помимо трех ключевых элементов категории «благородство» в среднеанглийском языке, слов *noble, gentil, worthy*, в конце XIV – начале XV века появляются и другие прилагательные, например, *valiant* (см. [Шарапкова] и *fair* (см. [Lewis]), которые также употреблялись в значении «родовитый», что указывает не только на размытость семантических границ в период складывания значений каждого слова, но и на открытость категории.

Итак, на основе анализа контекстов мы наблюдаем, что именно XIV–XV вв. стали переломными для развития как всей системы английского языка, так и категории «благородство». Именно в данный период времени все элементы смыслового содержания оказываются перераспределенными между всеми прилагательными категории в зависимости от конкретного контекста. Члены категории «благородство» отличаются друг от друга семантикой, а также социальной значимостью и маркированностью. Социально маркированное *aðele* в древнеанглийский период было заменено на *noble*, которое пришло в английский язык первым и способствовало появлению ряда прилагательных. Наиболее широкой семантикой в период, когда ушло древнеанглийское *aðele* и еще не до конца ассимилировалось заимствование *noble*, обладает *worthy*, ибо, отделившись от обозначения материального, перешло в сферу абстрактной оценки качеств человека. Однако принципиальной социальной значи-

мости оно не несет, поэтому далее эту функцию выполняет прилагательное *noble* в XIV–XV вв. Оно же и является ономазиологическим центром категории благородства, которое в средние века определяется новой системой нобилитета – рыцарства и формированием его этических отношений. Более того, лексема *noble* наполняется комплексным положительным содержанием. Наконец, в категорию благородства встраивается и лексема *gentle*.

Косвенным подтверждением распределения значений в зависимости от социальной маркированности / немаркированности и широкой / узкой семантики является и частотность этих слов в средневековых текстах (см. табл. 1), указывающая на то, что наиболее интересные взаимоотношения возникают между *noble, worthy* и *gentle*. Все три прилагательных употребляются с одушевленными существительными, такими как *man, knight, duke*, и часто могут быть взаимозаменяемы в контекстах многочисленных рыцарских романов. В изучаемый период они являются наиболее близкими по значению словами и формируют синонимические отношения как «слова, обладающие высокой степенью парадигматической близости и общими закономерностями лексической сочетаемости» [Медникова, с. 88].

Таблица 1.

Соотношение количества употреблений анализируемых слов в «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера, романах «Merlin...», «Смерть Артура» в восьмистрочных строфах и Т. Мэлори

Название произведения	Количество слов	<i>worthy</i>	<i>noble</i>	<i>gentle</i>
Canterbury tales (1380)	188840	90/ 0,048	75/ 0,040	69/ 0,037
Merlin (1450)	284824	146/ 0,051	138/ 0,048	47/ 0,016
Stanzaic Morte Arthur (1460/70)	26252	15/0,057	20/ 0,076	3/0,012
Le Morte Darthur (1485)	382874	55/ 0,014	459/ 0,12	56/ 0,015

Очевидно, что на первых этапах прилагательное *worthy* обладало особой ролью в описании достойного, благородного человека и заимствованное *noble* еще не заняло лидирующей позиции, сохраняя более специальное, социальное значение. В «Кентерберийских рассказах» Дж. Чосера можно наблюдать также и значи-

тельно большую вариативность в выражении значения благородства как с точки зрения социального, так и с точки зрения этического значений⁷. Такие лингвистические особенности определяются также полижанровостью самого произведения и темой, поднятой автором, – отражением многообразия социальных типов, встретившихся на пути в Кентерберии. В романе «Merlin or the early history of King Arthur» (1450 г.), который являлся «близким к тексту переводом на английский язык одного источника, части, посвященной Мерлину цикла Вульгаты на старофранцузском языке» [Conlee], *noble* превалирует над *worthy* и *gentle*, хотя в большинстве контекстов *noble* и *worthy* практически совпадают в употреблении и часто встречаются вместе: 1) *Than a-corded alle the noble men and wise – he that was a noble knyght and wele a-vised – thei heilde hym worthy and wise*; 2) *A full noble knyght, and was also a felowe of the rounde table – the worthy men of the rounde table*. Выделение *noble* можно интерпретировать и как развитие значимости прилагательного в рамках категории, и как неизбежную интерференцию языков при переводе.

Но возможность сочетаемости у лексемы *noble* растет, вследствие чего заметно повышается его употребительность (см. рис. 1). Можно отметить значительное снижение встречаемости *gentle* в «Stanzaic Morte Arthur» и незначительный рост *noble*. *Noble* наконец одерживает однозначную победу к XV веку в романе «Смерть Артура» Т. Мэлори, который стал литературно-художественным воплощением рыцарского идеала, что дает возможность выражения всех необходимых оттенков от сословного до возвышенно-благородного. Оно становится смысловой доминантой текста о рыцарстве, а также расширяется до сочетаемости с неодушевленными предметами, такими как выражение лица (*coūtenaūce*), истории (*hystrye, volume, tale*), призыва (*chere, blower of a horne*), империи (*royalme, empire, Crysten Realme*), города (*townes, castels*) и др.

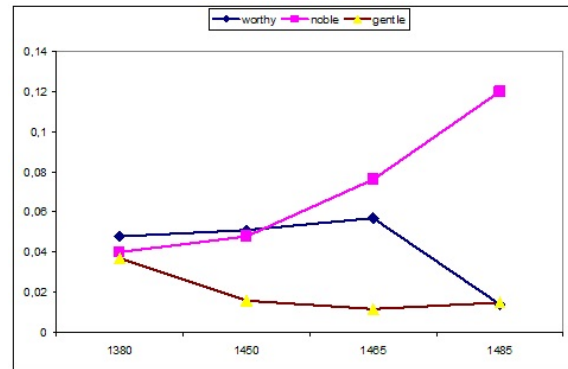

Рис. 1. Частотность употребления слов, составляющих категорию «благородство» в XIV–XV веках.

IV. Выводы

Слова, вербализующие категорию благородства, как в древнеанглийском, так и в среднеанглийском периоде развития языка зависят от целого комплекса социальных и исторических факторов, то есть не связанных с самой системой языка. Данные факторы включают в себя: смену старой англо-саксонской знати на нормандский нобилитет, формирование феодальной системы, складывание юридических отношений и классовости общества, закрепление этических норм и правил в текстах художественных произведений. По мнению А. Дугган, «альтруистическое использование военной мощи было поддержано описанием рыцарства в *chansons de geste* и его прославлением в артуровских романах XII–XIII вв. Эти работы восхваляли идеалы и нормы знати и рыцарства – постепенно все более подверженного влиянию христианских ценностей» [Duggan, с. 11]. Теперь лексема *noble*, как до этого *ædel*, становится «культурным» или «семантическим маркером» [Павилёнис, с. 42], центром категории, что определяет путь развития категории «благородство» локусом аксиологического осмысления человеческих качеств.

Можно согласиться с идеей Г. Шпербера, который размышлял о возможности эмоциональных концептов становиться ономаσιологическим центром притяжения (“center of attraction”) для других слов, вербализующих подобный концепт. Они также могут служить когнитивной основой для семасиологического развития и расширения (“center of expansion”) за счет экспансии близких по смыслу концептов (цит. по: [Blank, с. 67]).

Для обоих прилагательных *ædel* и *noble* движущим фактором эволюции семантики стало противоречие социального и этического компонентов, оба слова в первую очередь относятся к сфере аксиологической оценки, поэтому могут реализовывать всю полноту семантики и быть осмысленными более абстрактно только в разви-

⁷ Изучение распределения искомых прилагательных по рассказам в произведении Дж. Чосера показало, что их концентрация заметно выше в рассказах благородных героев. В рассказе Рыцаря *noble* употреблено 14 раз, а *worthy* - 11, *gentil* - 11, *honour* - 13; в рассказе Батской ткачихи *gentil* употребляется 20 раз, а в рассказе Франклина наиболее частотна *trouthe* 18. Подробнее об этом в [Комова, Шарапкова].

той системе миропонимания: англо-саксонской или норманно-рыцарской. Для *noble* важным фактором стало рождение феодальной системы, но ключевым – формирование этической системы рыцарства⁸, что в свою очередь заложило концептуальные основы для семантического сдвига, который оказался настолько сильным, что сохранился в языке и по сей день. Именно усложнение и видоизменение мировоззренческих установок рыцарства стало двигателем сначала концептуальных, а затем и семантических изменений в категории «благородство». Однако, несмотря на свою, казалось бы, универсальность, данная категория в значительной мере определяется культурным и социальным контекстом эпохи, так как складывалась на протяжении столетий и претерпевала изменения в разные периоды своей истории, наполняясь новым содержанием, отвечая на вызовы сменяющих друг друга эпох.

Для лексических единиц, представляющих категорию «благородство», материальный или социальный элемент, то есть опредмеченный элемент значения, часто является первичным, приводящим к развитию этического элемента, что прослеживается в семантике всех прилагательных. Впоследствии противоречие между социальным и этическим элементами разворачивается или в рамках одного слова и приводит к развитию полисемии, или отражается в противопоставлении семантики слов одной категории. При формировании привилегированного класса первично значение социальное, но, поскольку категоризация требует подтверждения и закрепления в примерах, происходит и обратное: перенесение идеальных качеств некоторого героя на группу слов и дальнейшее их закрепление. В результате познания и категоризации действительности «знание, представленное в лексических категориях, становится основой для формирования новых концептуальных структур, что обеспечивается интерпретирующей функцией человеческого мышления» [Болдырев, Панасенко, с. 5]. Более того, «означающее знака, выражающего концепт, формируется не столько рациональной логикой,

сколько эмотивными, дискурсивно-модусными факторами. Поэтому естественный язык служит средством знаковой интерпретации этнокультуры, моделируемой специфической конфигурацией концептов» [Алефиренко, с. 12]. Формирование новых структур, а также развитие и перекаатегоризация старых происходит в языке непрерывно на всех уровнях его организации: семиотическом, концептуальном и семантическом. Происходит постоянное расшатывание и восстановление баланса между устоявшимся и новым, между данным в языке и данным в культуре и коммуникации, между значением слова и его употреблением – его «погружением в жизнь».

Автор выражает благодарность проф. Смирницкой О. А. и проф. Манерко Л.А. за критические замечания к рукописи данной статьи.

Список литературы

- Алефиренко Н. Ф.* Методологические аксиомы и гипотезы современной лингвокультурологии // *Филология и культура. Philology and Culture*. 2014. №4 (38). С. 11–16.
- Викуллова Л. Г., Серебрянникова Е. Ф., Вострикова О. В., Герасимова С. А.* Лингвистический аксиологический анализ лексем *valeur / value*: сравнительно-сопоставительный подход // *Филологические науки (Научные доклады высшей школы)*. 2018. №2. С. 3–13.
- Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. 770 с.
- Бодуэн де Куртенэ И. А.* Некоторые из общих положений... // И. А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные работы по общему языкознанию. М.: Изд-во АН СССР, 1963. 391 с.
- Болдырев Н. Н., Панасенко Л. А.* Когнитивная основа лексических категорий и их интерпретирующий потенциал // *Вопросы когнитивной лингвистики*. 2013. № 2 (35). С. 5–12.
- Гвоздецкая Н. Ю.* Птица феникс глазами англосаксонского поэта: германские мотивы в античном сюжете // *Атлантика*. Вып. X. М.: МАКС Пресс, 2012. С. 89–99.
- Гвоздецкая Н. Ю. и др.* Мир и человек в древнеанглийском поэтическом языке и тексте. Иван. гос. ун-т. 2013. 211 с.
- Григорьева Ю. С.* Эволюция концептов *suning* и *dryhten* в рамках древнеанглийского периода (на материале древнеанглийской поэзии) // *Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация*. 2007. №1. С.74–83
- Гуревич А. Я.* Категории средневековой культуры, М.: «Искусство», 1972. 318 с.
- Гуревич А. Я. Средневековый героический эпос германских народов // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 5–26.
- Древнеанглийская поэзия. М.: Наука, 1982. 320 с.
- Залесова Н. М.* Формирование и восприятие образа джентльмена в языке и культуре США: дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ. Благовещенск, 2009. 219 с.

⁸ От рыцаря требовалась даже большая чистота и самоотречение во имя служения справедливости и правде. Жофруа де Шарни (1306 – 1356) – известный участник Столетней войны в «Книге о рыцарстве» – так формулирует эту мысль: “But of the good knights and good men-at-armses <...> it might well be considered that they should be of great or even greater integrity than might be required of a priest, for they are in danger every day, and at the moment when they think themselves to be the most secure, it is then that they may suddenly have to take up armes and often to undertake demanding and dangerous adventures” [The book of chivalry, с.180].

- Колокольникова М. Ю. Особенности развития лексики морально-этической сферы в древне и среднеанглийском языке. // Вестник ЧелГУ. 2009. № 27, С. 52–56.
- Комова Т. А., Шаранкова А. А. Wortiness or nobility? semantic changes of the category "nobility" (based on "Canterbury tales" by G. Chaucer) // Ахмановские чтения – 2016: материалы конференции / Отв. редактор О.В. Александрова. М.: Университетская книга, 2017. Университетская книга, Москва, 2017. С. 44–59.
- Левицкий В. В. Этимологический словарь германских языков: В 3 т. Черновцы: Рута, 2000. Т. 1. 260 с.
- Медникова Э. М. Значение слова и методы его описания (на материале современного английского языка): Учебное пособие. Изд. 2-е. М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 208 с.
- Ницше Ф. К генеалогии морали. Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1990. С. 407–524
- Павилёнис Р. И. Проблема смысла: Современный логико-философский анализ языка. М.: Мысль, 1983. 286 с.
- Смирницкая О. А. Беовульф [Примечания] // Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах. М.: Художественная литература, 1975. С. 631–659.
- Смирницкая О. А. Избранные статьи по германской филологии. М.: МАКС Пресс, 2008. 472 с.
- Смирницкий А. И. Хрестоматия по истории Английского языка. МГУ, 2008. 304 с.
- Шаранкова А. А. Истоки образа Гвиневеры и метасемантические смыслы в тексте романа Т. Мэлори // Методологические основы исследования когниции и коммуникации в современной лингвистике. М.: МАКС-пресс, 2017. С. 216–226.
- Anglo-Norman Dictionary. URL: <http://www.anglo-norman.net/gate/> (дата обращения: 30.04.2018)
- A Thesaurus of Old English. 2018. Glasgow: University of Glasgow. URL: <http://oldenglishthesaurus.arts.gla.ac.uk>. (дата обращения: 02.02.2018)
- Agar M. The language shock: Understanding the culture of conversation. N.Y.: William Morrow, 1994. 284 p.
- Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary. URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/000938> (дата обращения: 30.04.2018)
- Beowulf / ed. by C. L. Wrenn. London, George G. Harrap & Co. Ltd, 1953, repr. 1961. 320 p.
- Blank, A. Why do new meanings occur? A cognitive typology of the motivations for lexical semantic change. In *Historical semantics and cognition*, Blank, A. & Koch, P. (eds.) Berlin-New York: Mouton de Gruyter, 1999. Pp. 61–89.
- Bradley S. A. J. Anglo-Saxon Poetry - Dent [u.a.] Repr. London, 1998, 590 pp. URL: <http://www.apocalyptic-theories.com/literature/phoenix/merphoena.html> (дата обращения: 30.04.2018)
- Bzdyl, Donald G, ed. and trans. *Layamon's Brut: A History of the Britons. Medieval & Renaissance Texts & Studies*, 1989. 295 с.
- Conlee, J. W. *Prose Merlin*. Western Michigan University Medieval. 1998. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/publication/conlee-prose-merlin> (дата обращения: 02.02.2018)
- Diacritically-Marked Text of *Beowulf* facing a New Translation (with explanatory notes)_edited & translated by Benjamin Slade URL: <https://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html> (дата обращения: 30.04.2018)
- Dictionary of Old English Corpus URL: <http://doe.utoronto.ca/pages/index.html> (дата обращения: 02.02.2018)
- Dienberg B. Old and Middle English Semantic Fields Compared: Changes in the Lexicon and the Linguistic Consequences of the Norman Conquest (1066) // *Anglica* 18, 2009. Pp. 69–82.
- Duggan A. Introduction // *Nobles and nobility in medieval Europe: concepts, origins, transformations* / edited by Anne J. Duggan. imprint. Woodbridge, Suffolk; Rochester, N.Y. : Boydell Press, 2000. С. 1–15
- Gravett C. *Knight Noble Warrior of England 1200-1600* Oxford: Osprey Publishing 2008. 288p.
- Horsman R. Origins of racial anglo-saxonism in Great Britain before 1850 // *Journal of the History of Ideas*. 1976. Pp. 387–410.
- Hyams P. Feud and the State in the Late Anglo-Saxon England // *Journal of British Studies*, Vol. 40, No. 1, 2001, pp. 1–43
- Комова, Т. А. *On British / American Cultural Studies*. Moscow: Moscow univ. press. 2000. 167 p.
- Layamon. *Brut* (British Museum Ms. Cotton Otho C.XIII), ed. G.L. Brook and R.F. Leslie, EETS OS 250, 277 (1963, 1978) URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;cc=cme;view=toc;idno=LayOtho;> (Ms. Cotton Caligula A.IX) – URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;cc=cme;view=toc;idno=LayCal> (дата обращения: 30.04.2018)
- Lewis, C. *Studies in words*. Cambridge: Cambridge University Press. 1960. 352 p.
- Middle English Dictionary URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (дата обращения 02.02.2018)
- Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com/ (дата обращения 02.02.2018)
- Oxford English Dictionary // при работе использовалось программное обеспечение Oxford English Dictionary, версия 4.0.0.1
- The "Book of Chivalry" of Geoffroi de Charny: Text, Context, and Translation. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, ed. by Kaeuper, R. Kennedy, E. 1996. Pp. 3–17
- The Concise Oxford Dictionary of English Etymology (Oxford Quick Reference) ed. by Hoad T. F. Oxford: Oxford University Press. 1993. 576 p
- The Phoenix. URL: <http://www.apocalyptic-theories.com/literature/phoenix/oephoenc.html>. (дата обращения: 30.04.2018)
- Vennemann Th. *Athel and its Relatives: Origin and Decline of a Noble Family of Words* // *English Studies*, 93:8, 2012, pp. 950–986

References

- Anglo-Norman Dictionary*. URL: <http://www.anglo-norman.net/gate/> (accessed: 30.04.2018). (In English)
- A Thesaurus of Old English*. Glasgow: University of Glasgow. <http://oldenglishthesaurus.arts.gla.ac.uk>. (accessed: 02.02.2018). (In English)

- Agar, M. (1994). *The Language Shock: Understanding the Culture of Conversation*. 284 p. N.Y. William Morrow. (In English)
- Alefrenko, N. F. (2014). *Metodologicheskie aksiomy i gipotezy sovremennoi lingvokul'turologii* [Methodological Axioms and Hypotheses of Contemporary Cultural Linguistics]. *Philology and Culture*. No. 4 (38), pp.11–16. (In Russian)
- Beovulf* (1975). Starshaia Jemma. Pesn' o Nibelungah. 770 p. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Beowulf* (1953/ repr. 1961). Ed. by C. L. Wrenn. 320p. London, George G. Harrap & Co. Ltd. (In English)
- Blank, A. (1999). *Why Do New Meanings Occur? A Cognitive Typology of the Motivations for Lexical Semantic Change*. In *Historical Semantics and Cognition*, Blank, A. & Koch, P. (eds.), pp. 61–89. Berlin-New York, Mouton de Gruyter. (In English)
- Boduen de Kurtene, I. A. (1963). *Nekotorye iz obshhikh polozhenii...* [Some of the Most Basic Statements...]. I. A. Boduen de Kurtene. *Izbrannye raboty po obshhemu iazykoznaniiu*. 391 p. Moscow, Izd-vo AN SSSR. (In Russian)
- Boldyrev, N. N., Panasenko, L. A. (2013). *Kognitivnaia osnova leksicheskikh kategorii i ih interpretiruiushhii potentsial* [The Cognitive Basics of Lexical Categories and Their Interpretational Possibilities] *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, No.2 (35), pp. 5–12. (In Russian)
- Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary*. URL: <http://bosworth.ff.cuni.cz/000938> (accessed: 30.04.2018). (In English)
- Bradley, S. A. J. (1998). *Anglo-Saxon Poetry - Dent* [u.a.] Repr. 590 p. London. URL: <http://www.apocalyptic-theories.com/literature/phoenix/mephoena.html> (accessed: 30.04.2018). (In English)
- Bzdyl, Donald G, ed. and trans. (1989). *Layamon's Brut: A History of the Britons*. *Medieval & Renaissance Texts & Studies*. (In English)
- Conlee, J. W. (1998). *Prose Merlin*. Western Michigan University Medieval. 1998. URL: <http://d.lib.rochester.edu/teams/publication/conlee-prose-merlin> (accessed: 02.02.2018). (In English)
- Diacritically-Marked Text of Beowulf Facing a New Translation* (with explanatory notes) edited & translated by Benjamin Slade. URL: <https://www.heorot.dk/beo-intro-rede.html> (accessed: 30.04.2018). (In English)
- Dictionary of Old English Corpus*. URL: <http://doe.utoronto.ca/pages/index.html> (accessed: 02.02.2018). (In English)
- Diensberg, B. (2009). *Old and Middle English Semantic Fields Compared: Changes in the Lexicon and the Linguistic Consequences of the Norman Conquest (1066)*. *Anglica* 18, pp. 69–82. (In English)
- Drevneangliiskaia poeziia* (1982). [Old English Poetry]. 320 p. Moscow, Nauka. (In Russian)
- Duggan, A. (2000). *Introduction. Nobles and Nobility in Medieval Europe: Concepts, Origins, Transformations*. Edited by Anne J. Duggan. Imprint, pp. 1–15. Woodbridge, Suffolk; Rochester, N.Y. Boydell Press. (In English)
- Gravett, C. (2008). *Knight Noble Warrior of England 1200-1600*. 288 p. Oxford, Osprey Publishing. (In English)
- Grigor'eva, Iu. S. (2007). *Evolutsiia kontseptov cuning i dryhten v ramkah drevneangliiskogo perioda (na materiale drevneangliiskoi poezii)* [The Evolution of the Concepts of *Cuning and Dryhten* in Old English Period (based on old English poetry)] *Vestnik NGU. Seria: Lingvistika i mezhkul'turnaia kommunikatsiia*. No.1, pp.74–83. (In Russian)
- Gurevich, A. Ia. (1972). *Kategorii srednevekovoi kul'tury* [The Categories of Medieval Culture]. 318 p. Moscow, Iskusstvo. (In Russian)
- Gurevich, A. Ia. (1975). *Srednevekovyi geroicheski epos germanskih narodov* [Medieval Heroic Epos of Germanic Peoples]. *Beovulf*. Starshaja Jemma. Pesn' o Nibelungah, pp. 5–26. Moscow, Hudozhestvennaia literatura. (In Russian)
- Gvozdetskaia, N. Iu. i dr. (2013). *Mir i chelovek v drevneangliiskom poeticheskom iazyke i tekste* [The World and Man in Old English Texts and Language]. 211 p. Ivan. gos. un-t. (In Russian)
- Gvozdetskaia, N. Iu. (2012). *Ptitsa feniks glazami anglosaksonskogo poeta: germanskii motivy v antichnom siuzhete* [The Phoenix Bird through the Eyes of the Anglo-Saxon Poet] *Atlantika*. Vyp. X, pp. 89–99. Moscow, MAKS Press. (In Russian)
- Hyams, P. (2001). *Feud and the State in the Late Anglo-Saxon England*. *Journal of British Studies*, Vol. 40, No. 1, pp. 1–43. (In English)
- Horsman, R. (1976). *Origins of Racial Anglo-Saxonism in Great Britain before 1850*. *Journal of the History of Ideas*, pp. 387–410. (In English)
- Kaeuper, R. Kennedy, E. (1996). *The "Book of Chivalry" of Geoffroi de Charny: Text, Context, and Translation*. Pp. 3–17. Philadelphia, University of Pennsylvania Press. (In English)
- Kolokol'nikova, M. Yu. (2009). *Osobennosti razvitiia leksiki moral'no-ehicheskoi sfery v drevne i sredneangliiskom iazyke* [Peculiarities of the Development of the Moral-Ethical Sphere Lexis in Old and Middle English]. *Vestnik ChelGU*, No. 27, pp. 52–56. (In Russian)
- Komova, T. A., Sharapkova, A. A. (2017). *Worthiness or Nobility? Semantic Changes of the Category "Nobility" (based on "Canterbury Tales" by G. Chaucer)*. *Ahmanovskie chteniia*, 2016: materialy konferentsii / Otv. redaktor O. V. Aleksandrova. Pp. 44–59. Moscow, Universitetskaia kniga. (In Russian)
- Komova, T. A. (2000). *On British / American Cultural Studies*. 167 p. Moscow univ. press. (In English)
- Layamon. *Brut* (British Museum Ms. Cotton Otho C. XIII), ed. G. L. Brook and R. F. Leslie, EETS OS 250, 277 (1963, 1978). URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;cc=cme;view=toc;idno=LayOtho;> (Ms. Cotton Caligula A.IX) – URL: <https://quod.lib.umich.edu/cgi/t/text/text-idx?c=cme;cc=cme;view=toc;idno=LayCal> (accessed: 30.04.2018). (In English)
- Levitskii, V. V. (2000). *Etimologicheskii slovar' germanskih iazykov* [Etymological Dictionary of Germanic Languages]. V 3 t. T. 1. 260 p. Chernovcy, Ruta. (In Russian)
- Lewis, C. (1960). *Studies in Words*. 352 p. Cambridge, Cambridge University Press. (In English)

Mednikova, Je. M. (2010). *Znachenie slova i metody ego opisaniia (na materiale sovremennogo angliiskogo iazyka)* [The Meaning of a Word and Methods to Describe It (based on modern English)]. Uchebnoe posobie. Izd. 2-e. 208 p. Moscow, Izdatel'stvo LKI. (In Russian)

Middle English Dictionary. URL: <http://quod.lib.umich.edu/m/med/> (accessed: 02.02.2018). (In English)

Nicshe, F. (1990). *K genealogii morali* [On the Genealogy of Morals]. Sochineniia v 2 t. T. 2, pp. 407–524, Moscow, Mysl'. (In Russian)

Online Etymology Dictionary. URL: www.etymonline.com/ (accessed: 02.02.2018). (In English)

Oxford English Dictionary. Pri rabote ispol'zovalos' programnoe obespechenie Oxford English Dictionary, versiiia 4.0.0.1

Pavilionis, R. I. (1983). *Problema smysla: Sovremenyi logiko-filosofskii analiz iazyka* [The Problem of Meaning: Contemporary Logical and Philosophical Analysis of Language]. 286 p. Moscow, Mysl'. (In Russian)

Sharapkova, A. A. (2017). *Istoki obraza Gvinevery i metasemioticheskie smysly v tekste romana T. Mjeleri* [The Origins of the Image Sources of Guinevere and Metasemiotic Ideas in the Text of Thomas Malory] Metodologicheskie osnovy issledovaniia kognitsii i kommunikatsii v sovremennoi lingvistike. Pp. 216–226. Moscow, MAKS-press. (In Russian)

Smirnitskaia, O. A. (1975). *Beovulf. Primechaniia* [Beowulf. Notes]. Beovulf. Starshaia Jemma. Pesn' o Nibelungah. Pp. 631–659. Moscow, Khudozhestvennaia literatura. (In Russian)

Smirnitskaia O. A. (2008). *Izbrannye stat'i po germanskoi filologii* [Selected Papers on Germanic Philology]. 472p. Moscow, MAKS press. (In Russian)

Smirnitskii, A. I. (2008). *Hrestomatiia po istorii Angliiskogo iazyka* [Text-Book in History of the English Language]. 304 p. Moscow, MGU. (In Russian)

The "Book of Chivalry" of Geoffroi de Charny: Text, Context, and Translation. (1996). Pp. 3–17. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, ed. by Kaeuper, R. Kennedy, E. (In English)

The Concise Oxford Dictionary of English Etymology (1993) (Oxford Quick Reference) ed. by Hoad T. F. 576 p. Oxford, Oxford University Press. (In English)

The Phoenix. URL: <http://www.apocalyptic-theories.com/literature/phoenix/oephoen.html> (accessed: 30.04.2018). (In English)

Vennemann, Th. (2012). *Athel and Its Relatives: Origin and Decline of a Noble Family of Words*. English Studies, 93:8, pp. 950–986. (In English)

Vikulova, L. G., Serebrennikova, E. F., Vostrikova, O. V., Gerasimova, S. A. (2018) *Lingvisticheskii aksiologicheskii analiz leksem valeur / value: sravnitel'no-sopostavitel'nyj podhod* [Linguistic and Axiological Analysis of the Lexemes *Valeur/Value*: The Comparative Approach]. Filologicheskie nauki (Nauchnye doklady vysshei shkoly). No 2, pp. 3–13. (In Russian)

Zalesova, N. M. (2009). *Formirovanie i vospriatie obraza dzhentl'mena v iazyke i kul'ture SSA: dis. ... kand. filol. nauk* [Formation and Perception of the Image of a Gentleman in Language and Culture of the USA: Ph.D. Thesis]. Moscow, MGU. Blagoveshensk, 219 p. (In Russian)

Список использованных сокращений

AND – Anglo-Norman Dictionary
CODEE – The Concise Oxford Dictionary of English Etymology
OED – Oxford English Dictionary
DOEC – Dictionary of Old English Corpus
MED – Middle English Dictionary
B&T – Bosworth-Toller Anglo-Saxon Dictionary

The article was submitted on 11.04.2018

Поступила в редакцию 11.04.2018

Комова Татьяна Андреевна,
доктор филологических наук,
профессор,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51.

Шарапкина Анастасия Андреевна,
кандидат филологических наук,
старший научный сотрудник,
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова,
119991, Россия, Москва,
Ленинские горы, д. 1, стр. 51.
warapkova@mail.ru

Komova Tatiana Andreevna,
Doctor of Philology,
Professor,
Lomonosov Moscow State University,

Building 51, 1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.

Sharapkova Anastasia Andreevna,
Ph.D. in Philology,
Senior Researcher,
Lomonosov Moscow State University,

Building 51, 1 Leninskie Gory,
Moscow, 119991, Russian Federation.
warapkova@mail.ru